
Александра М. Кузнецова
Кафе для фамильяров,
Дракону
вход запрещен!

Александра Кузнецова

Кафе для фамильяров, дракону вход запрещен!

«Автор»
2026

Кузнецова А. М.

Кафе для фамильяров, дракону вход запрещен! /
А. М. Кузнецова — «Автор», 2026

Как я в компании капибар оказалась в заброшенном кафе на перекрестке миров?Шут его знает, а вернее дракон!Только у него аллергия на шерсть и, кажется, на меняА еще кафе оказалось волшебным! Кто им владеет, тот понимает язык всех посетителей, включая фамильяров! Так что теперь волшебные существа приходят ко мне, жаловаться на жизнь, а их хозяева терпеливо ждут снаружи!Однотомник в серии однотомниковДобрый юморСчастливый финал не без приключений

© Кузнецова А. М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 14
Глава 3 20
Глава 4 24
Глава 5 28
Конец ознакомительного фрагмента. 37

Александра Кузнецова
Кафе для фамильяров, дракону вход запрещен!

Глава 1

— Где капибары?!

Именно с этим вопросом я вскочила поутру и целую минуту пыталась сообразить, где нахожусь. И где, собственно, капибары, которых мы с волонтерами вчера отбили у контактного зоопарка.

Над головой темнели неструганые доски, на стенах пузырились старые бумажные обои, по ногам тянуло сквозняком от рассохшейся двери.

Бабушкин деревенский дом!

Память наконец включилась.

Вчера мы так и не нашли передержку для трех капибар. Им нужна была приличных размеров комната, и я вспомнила про бабушкин дом.

Я здесь не была с тех пор, как бабуля пропала. Мать сказала, что место это проклятое, но, к счастью, продавать не стала. Пригодилось!

Переплетя растрепавшуюся косу, я потянулась, зевнула и приоткрыла дверь в комнату, где мы с подругой устроили им временное пристанище.

Большая комната была пустой. Мебели там давно не было. Два окна, лампа под потолком и широкая старая русская беленая печка.

Мы с Аней добрались сюда из города уже в глубокой ночи, и все, что я успела, — это застелить пол клеенкой, разбросать сено и поставить капибарам миски с водой.

Борис, самый крупный и флегматичный капибара, лежал на тюке сена, который я оставила вчера, и неторопливо вытягивал из него траву, чтобы пожевать.

Маня, девочка-лапочка, спала в самом чистом углу, аккуратно подобрав лапы, и даже во сне выглядела как самое воспитанное существо в этой компании.

Иван же сидел у печи и самозабвенно пытался грызть кирпич. Вспомнились слова подруги: «Двое нормальных, а с этим у тебя будут проблемы». Аня была опытным ветеринаром, так что сомневаться в ее словах не приходилось. Иван и правда выглядел как милый дурачок, а еще его блестящие черные глаза немного косили, что придавало его внешности изюминку.

Я бросила взгляд на термометр на стене — двадцать пять градусов, неплохо. Капибарам нужно не ниже двадцати двух. А если столбик упадет до восемнадцати, начнется переохлаждение.

— Так, банда, — сказала я, упираясь руками в бока. — Доброе утро. Я понимаю, что переезд был внезапный, но вам со мной будет лучше, чем в том гадюшнике. Я профессиональный зоолог и пристрою вас потом в нормальное место, с вольером, подогревом и проточной водой. А пока этого всего нет, будем импровизировать. Ждите. Я организую вам бассейн.

К счастью, конструкция пластикового бассейна была проста и понятна. А вот насос и систему фильтрации я решила пока не покупать: пару дней воду можно и руками потаскать. А там, может, банду капибар заберут в зоопарк.

Стоило мне поставить бассейн в комнату, как Иван немедленно потопал его обнюхивать.

— Иван, даже не думай грызть борт, — сказала я строго и пошла решать более сложную задачу.

Надо было наполнить бассейн водой. Капибарам просто необходим водоем, без него их кожа быстро пересыхает, нарушается теплообмен, да и настроение портится.

Колодец, насколько я помнила бабушкин участок, стоял шагах в двадцати справа от крыльца. На кухне нашлось два эмалированных ведра, я подхватила их, приготовилась к долгим физическим упражнениям и толкнула входную дверь плечом.

Утро было яркое, солнечное, совсем не мартовское. Я зажмурилась, потянулась, открыла глаза и замерла.

В небе, в просвете между облаками, отчетливо виднелся силуэт дракона: большой, крылатый, с длинным хвостом, который рассекал облако пополам, словно нож. Я уронила ведро, и оно с грохотом покатилось по дощатому настилу, которого здесь быть не должно. Я молча вернулась в дом и закрыла за собой дверь.

— Бред какой.

В голове гудело. Я постояла, глядя на дверную ручку, поморгала немного, затем снова открыла дверь и выглянула. Ничего не изменилось. По небу, лениво взмахивая крыльями, плыл силуэт дракона.

Я снова закрыла дверь.

— Так, Дарья Сергеевна, — сказала я вслух. — Спокойно. Всему есть рациональное объяснение.

Я досчитала до десяти, выдохнула и снова открыла дверь.

Дракона в небе не было. Облака, слепящее солнце. Я постояла еще минуту, вглядываясь, и наконец позволила себе нервный смешок:

— Просто глюк! Недосып, ночевка в заброшенном доме. Избыток углекислого газа, надо было лучше проветривать.

Я выдохнула и поморгала несколько секунд, потому что глаза уже резало, а потом снова напряглась.

Крыльцо, на которое я вышла, совсем не походило на бабушкино. Вчера я точно заходила через эту дверь: три ступеньки, шаткие перила, парочка резных досок и козырек.

А сейчас я стояла на широкой открытой террасе. Деревянный настил, потемневший от времени, но крепкий. Навес подпирали резные столбы. Вдоль перил стояла длинная стойка с полками, на которые так и просились бутылки да бокалы.

На полу валялись высокие табуреты разной степени сохранности.

В углу — что-то похожее на печь или жаровню, с покрытой копотью вытяжкой.

Веранда ресторана? Бара? Кто пристроил к бабушкиному дому бар?

Мозг отказывался думать. В голову лезла всякая чушь. Это чья-то шутка? Онлайн пранк?

Я мысленно отмотала вчерашний день, словно пленку задом наперед.

Вот мы приехали в ночи.

Последние километры грунтовки Аня ползла на второй передаче, вцепившись в руль и тихо ругаясь сквозь зубы.

Бабушкин дом стоял в глубине поселка. Может быть, мы просто ошиблись домом? Но нет же, ключи подошли! Да и печку, занавески, маленькую кухонку я помнила с детства.

Мы зашли, занесли переноски с капибарами, Аня помогла организовать комнату, поставила обогреватель и уехала в клинику. Она опаздывала на ночное дежурство.

Могла ли Аня устроить мне такой розыгрыш? Нет! Это не в ее характере.

Что еще было вчера?

Мы заезжали в строительный магазин, чтобы купить все необходимое на первое время. В зоомагазине смели с полок все сено.

А до этого? До этого я уволилась с очередного неподходящего мне места работы.

Волонтеры позвонили мне в разгар рабочего дня. Я, дипломированный зоолог, в очередной раз нанялась баристой, на этот раз в модное кафе, и по иронии оно оказалось прямо

напротив зоопарка, который сгорел три года назад. Тогда мы все оказались на улице и ждали, когда его восстановят, но власти не торопились.

Я еще раз воспроизвела в голове утренние события.

Я зажимала трубку плечом и параллельно координировала волонтеров, чтобы они доставили капибар Ане в клинику, а я уже забрала бы их оттуда на передержку.

Вся кофейня с интересом слушала, как развиваются события вокруг грызунов, начиная от штурма контактного зоопарка и заканчивая счастливым финалом с освобождением пленников. И тут появился Алексей, управляющий. Он потребовал убрать телефон и определиться: или люди или зверушки.

Для бывшего старшего зоолога выбор был очевиден. Я ушла спасать капибар.

Вот и весь вчерашний день с вечера и до утра. Какой из меня герой для телешоу? Никакой!

Наверняка всему этому есть объяснение. Я была ужасно уставшая и… нет, не клеилось.

Может быть, кто-то из соседей воспользовался отсутствием хозяев и устроил себе гнездышко для вечеринок? Голова раскалывалась, в глаза лупил непривычно яркий для конца зимы свет. Я так долго смотрела в небо, что перед глазами все еще плясали пятна.

— Ну, точно бред!

Я вернулась в дом, чтобы как можно быстрее выпить таблетку от головной боли и позвонить Ане.

Моя сумка была на месте, висела на гвозде в знакомом с детства коридоре. Не перепутала я дом! На обоях сохранились мои рисунки.

Я снова зашла проверить капибар. Все трое невозмутимо жевали сено, на меня обернулся разве что самый крупный и старший — Борис.

В его черных глазах-бусинах было столько умиротворения и спокойствия, что я невольно выдохнула.

Нет, с ума я не схожу. Я взглянула на термометр, было жарковато, свет лился через окошки и нагревал комнату вместе с обогревателем.

— Жарковато тут у вас, ребята. Давайте немного проветрим, — сказала я, подходя к окошку и с трудом открывая рассохшиеся деревянные ставни.

Пятна перед глазами уже перестали плясать, поэтому я смогла рассмотреть вид за окном. Он снова заставил меня задуматься о душевном здоровье.

Все выглядело так, будто бабушкин дом перенесли ночью и он внезапно оказался на высоченном холме. Мне открывался вид на разноцветные черепичные крыши, спускающиеся по склону, между ними тянулись узкие улочки, и над некоторыми трубами вился дымок. Дальше крыши становились плотнее, гуще, а за ними поднималась высокая стена из темного камня, и за стеной в легкой дымке виднелся дворец. Еще дальше блестела река.

Я медленно отошла от окна, задвинула старинный пыльный тюль и осторожно подошла к противоположному окну. Открыть я его не рискнула, просто заглянула в щель между шторами. С этого ракурса была видна терраса бара-ресторана, а дальше в небо поднимались горы. Снежные вершины, острые, как зубья, с ледниками, горящими на солнце так ярко, что глазам опять стало больно. Я зажмурилась:

— Ладно, — сказала я вслух, потому что звук голоса успокаивал хоть немного. — Ладно. Допустим.

Сзади раздался громкий шлеп. Это Иван с разбега рухнул в бассейн и теперь недоумевал, почему не получается плыть.

— Так не бывает, — прошептала я, — должно быть нормальное объяснение!

Я стояла посреди гостиной, прижимая к вискам ледяные пальцы, и пыталась выстроить хоть какую-то логическую цепочку. Галлюцинация? Отравление угарным газом? Газ! Может, произошла утечка, и я надышалась, и все это…

— Когда мир переворачивается, сядь и поешь, — раздался низкий бархатный голос. — Мир перевернется обратно.

Голос шел откуда-то снизу и звучал так спокойно, с такой невозмутимой уверенностью, что у меня по спине побежали мурашки. Призрак? Спрятанный в щелях динамик? Мой телефон из кармана кому-то позвонил?

Я замерла.

Тишина. Только мерное чавканье капибар и бульканье Ивана в бассейне.

Я открыла рот, чтобы спросить «кто здесь», но тут в дверь постучали.

Капибары не шелохнулись. Борис продолжил жевать. Маня даже ухом не повела. Только Иван высунул мокрую морду из бассейна.

Я подошла ко входной двери, стук повторился. Фух! Не показалось. Наверняка это сосед, или ведущий телешоу, или еще кто-то, кто прояснит ситуацию. Я не схожу с ума — это самое главное.

Распахнув дверь, я уткнулась взглядом в начищенные серебряные пуговицы на черном камзоле. Удивило меня скорее не одеяние гостя, а его рост.

Я со своим высоким ростом привыкла смотреть на всех сверху вниз, а тут кто-то смотрел так на меня.

Медленно проведя взглядом вверх по пуговицам, мимо шелкового шейного платка и изумрудной шпильки, я наконец добралась до глаз незнакомца и тихо икнула.

Они были не карие и не желтые, а именно золотые, как у хищной птицы, совы, льва. Единственное, что было в этих глазах человеческого, — легкое раздражение, с которым этот незнакомый и красивый мужчина смотрел на меня.

Это точно не сосед, соседей таких не бывает. Может, актер, которого я не знаю, или все же ведущий? Одет он и правда странно. Мою цепочку размышлений прервал гепард, протиснувшийся между нашими ногами в коридор.

Я растерянно отошла в сторону и во все глаза смотрела, как высокое белоснежное существо с пушистой кисточкой на хвосте обнюхивает мою сумку, затем лапой пытается приоткрыть дверь к капибарам.

— Вы знаете, что у вас задолженность по аренде? — невозмутимо произнес мужчина. — Вот извещение.

Я взяла в руки бумагу с какими-то незнакомыми закорючками, и они тут же расплылись и начали собираться в понятные русские буквы.

Я поморгала, всматриваясь в строчки. Мужчина предусмотрительно отошел от двери, чтобы я могла выйти на крыльцо, а вернее, в бар, где света было больше.

Облокотившись о стойку, я начала читать.

Заголовок гласил: «Уведомление о праве выселения и ликвидации имущества».

И далее шел аккуратно написанный текст:

«Настоящим уведомляется арендатор участка № 33 по улице Высокий Холм (район Рыжей линии, Междумирный Базар), что за истекший период в девятнадцать (19) лет и десять (10) месяцев арендная плата за указанный участок и расположенное на нем строение не вносилась ни в полном, ни в частичном объеме.

В соответствии с параграфом 7 Свода арендных уложений Междумирного Базара, неуплата аренды сроком свыше трех (3) лет дает владельцу земли безусловное право на: выселение магического арендатора и всех лиц, проживающих на указанном участке; ликвидацию имущества арендатора, находящегося на участке, без выплаты компенсации; возврат участка в полную собственность рода-владельца.

Арендатору предоставляется срок в двадцать один (21) день с момента вручения настоящего уведомления для погашения задолженности либо добровольного освобождения участка.

По истечении указанного срока владелец земли вправе приступить к принудительному выселению и сносу строения.

Уполномоченный по делам столицы Лорд А. Морлэйт»

Эта удивительная сказочная околесица была украшена алой печатью с гербом и размашистой подписью, состоящей из затейливых завитушек.

— Вам понятна суть уведомления? — спросил незнакомец.

Он стоял, расправив широкие плечи и заложив руки за спину, строго и по-военному, отчего казался еще выше и значительнее.

— Если я не заплачу аренду, то вы меня выселите? — уточнила я.

— Все верно. Здание будет лишено магии и снесено.

Несколько секунд я смотрела на этого убийственно серьезного мужчину с длинными каштановыми волосами, точеными чертами лица и глазами хищника, а затем расхохоталась в голос.

Роскошный незнакомец стоял передо мной и ждал ответа. А у меня из глаз текли слезы от хохота.

— Вы… вы это серьезно? — выдавила я, тыча пальцем в уведомление. — Магический арендатор? Ликвидация волшебного имущества?

— Не понимаю, что вызывает у вас такую реакцию. — Мужчина чуть склонил голову и нахмурился. — В рамках реорганизации Междумирного Базара перед его открытием Совет выпустил специальный указ, позволяющий расторгать договоры бессрочной аренды в случае длительной неуплаты или заброшенности арендованной собственности. Налицо и одно, и другое.

— Боже. — Я утерла глаза и перевела дух. — Только мне могло такое присниться!

Я рассматривала его, качая головой, и не могла остановиться. Каштановые волосы до плеч, симметричные черты лица, четко очерченные брови с изломом, прямой нос. Просто принц из сказки. Никогда не думала, что такие в моем вкусе.

— Главное — не забыть этот сон, — сказала я, складывая уведомление вчетверо и откладывая в сторону. — А лучше записать. Отличное начало для какого-нибудь романа. И герой что надо.

Золотые глаза моргнули. Один раз, медленно. Мне показалось, что зрачок чуть сузился.

— Вероятно, леди не вполне в себе, — произнес он вполголоса, и в его голосе я впервые уловила нотку растерянности. — Уведомление вручено, его юридическая сила не зависит от вашего душевного состояния. Всего хорошего.

Он слегка наклонил голову, коротко, формально, и развернулся к выходу. Белоснежный гепард поднялся, потянулся и пошел за хозяином, но, проходя мимо меня, негромко промурлыкал:

— Мика, ну как ты не видишь — девица думает, что это сон.

Звук шел от гепарда. Отчетливо, ясно.

— Конечно, сон! Что еще это может быть? — ответила я.

Гепард повел ухом, остановился и медленно обернулся. Я улыбнулась ему и присела, чтобы оказаться с ним на одном уровне.

— Какой красавец. Краше хозяина, пожалуй.

Гепард тряхнул головой, будто отгоняя муху, и отвернулся.

— Фух, показалось. — Он быстро догнал хозяина и тронул лапой его высокий сапог. — Мика, ну посмотри на нее. Эта дура может со скалы прыгнуть, чтобы от падения проснуться. Ну, сделай что-нибудь!

Я фыркнула:

— Я — дура? Сам дурак! И вообще, я высоты боюсь.

Гепард замер на полушаге. Он развернулся так резко, что кисточка на хвосте хлестнула по воздуху. Голубые глаза стали круглыми, шерсть на загривке встала дыбом, уши прижались

к голове, а потом снова встали торчком. Все тело напружинилось, будто он собирался бежать и не мог решить — к двери или от нее.

— Ты что, меня слышишь?! — промяукал он на тон выше, чем говорил до этого.

Мужчина обернулся.

— Я не называл вас дурой! — воскликнул он, и в безупречной деловой маске наконец проступило живое возмущение. — Не в моих привычках оскорблять женщин, даже если они ведут себя неподобающим образом. Давайте оставим разговор в юридическом поле.

— Так я не с вами разговариваю, а с вашим гепардом. — Я указала на белоснежного зверя, который сверлил меня отчаянным взглядом. — Он меня дурой назвал, не вы!

— Вирен — образцовой воспитанности фамильяр! — отчеканил мужчина. Кажется, мои слова задели его за живое. Деловая холодность дала трещину. — Он не умеет говорить, но даже если бы мог, никогда не позволил бы себе таких выражений.

— Ох, Мика, знал бы ты, знал бы ты, — протянул гепард, усаживаясь и обвивая лапы хвостом. — Но приятно, что ты обо мне такого высокого мнения.

Я ткнула пальцем в гепарда:

— Ну вот! Вот прямо сейчас он сказал, что вы даже не представляете, на что он способен.

Вирен вздрогнул. Кисточка на хвосте задергалась, как сумасшедшая, уши заходили ходуном — вперед, назад, вперед. Он быстро облизнулся, прижался к полу и уставился на меня расширенными до предела глазами.

— Она реально меня слышит?! — прошептал он. — Проверка связи! Проверка!

— Слышу, — подтвердила я.

Мужчина сделал шаг вперед, загораживая гепарда.

— Прекратите делать вид, что разговариваете с моим фамильяром. Его это явно нервирует!

— Не вижу ни одной причины, почему я должна прекращать. Это мой сон, в конце концов.

— Это не сон! — Он повысил голос, и от него волной пошел жар, будто кто-то распахнул дверцу духовки. — Вы, судя по всему, попали к нам из другого мира, но это не повод грубо нарушать местные порядки — как законодательные, так и этические. Выйдите за ограду, если сомневаетесь в реальности, и убедитесь сами!

Я снова рассмеялась и помотала головой:

— Я предпочитаю оставаться под крышей. Там в небе дракон летает, вдруг его лепеха грохнется мне прямо на голову. Ужасная смерть. Вы-то сами не боитесь?

Золотые глаза мужчины заметно расширились.

Он медленно, очень медленно переспросил:

— Драконье… что должно упасть вам на голову?

— Лепеха. Ну… помет, — я начала подбирать слова, но меня перебил странный хриплый звук.

Это гепард повалился набок и захрипел. Потом закашлялся. Потом издал нечто среднее между мяуканьем и всхлипом, и я с изумлением поняла, что он хохочет.

— Прекрати! — простонал он между приступами. — Умоляю, не продолжай! Мика не понимает шуток, ты его в ступор вводишь!

Мужчина действительно стоял неподвижно. Лицо у него было такое, будто он пытался переварить услышанное и не мог.

— Драконы, — отчеканил он, — не… испражняются в небе. Это оскорбительно даже в качестве предположения.

Я не могла сдержать улыбки, глядя на незнакомца.

— А им что, для этого нужно обязательно сесть на ветку… или скалу, свесить хвост и…

— Драконы. Так. Не делают. Давайте прекратим эту неуместную дискуссию.

— А вдруг это пьяный дракон? Закусил каким-нибудь алкоголиком, сам захмелел и теперь кружит пьяный. Вон, сегодня одного такого видела, с золотым отливом. Уверена, что он летал в поисках подходящей мишени.

— Это был я, — хмуро произнес мужчина. — Мне следовало представиться. Лорд-дракон Микаэль Морлэйт.

Вирен на полу затих и навострил уши. Я тоже замолчала, не зная, что сказать.

— Вы. Дракон, — повторила я.

— В человеческой форме.

Я всмотрелась в золотые глаза мужчины и поняла, что он говорит правду. Вот почему его взгляд с самого начала казался мне нечеловеческим.

При всей бредовости ситуации мне в голову впервые закралась мысль, что это все уж как-то слишком для сна. Не уверена, что мое воображение было способно на подобное.

Я медленно опустила взгляд на свои руки и ущипнула запястье. Вроде больно. Затем я поднесла руку к лицу и цапнула себя изо всех сил, отчего брови дракона медленно поползли вверх.

— Это не сон, — прошептала я.

Ноги стали ватными. Мне срочно нужно было сесть, а лучше лечь, а еще лучше — оказаться рядом с чем-то знакомым.

— Извините, — выдавила я. — Мне нужно…

Я не закончила. Хотела побыстрее вернуться в дом, но перед глазами окончательно поплыло. Террасу качнуло, небо и горы смешались в одну яркую полосу, и последнее, что я почувствовала, — жар. Будто меня подхватила раскаленная волна.

* * *

— Леди, вы в порядке?

Приятный глубокий мужской голос доносился откуда-то сверху. Я не спешила открывать глаза. Было тепло и уютно. Лицо обдувал прохладный ветер, а воздух был таким свежим, что его хотелось пить, как воду.

— За столько лет ты так и не научился понимать людей, — проворчал другой, мурлыкающий голос. — Как она может быть в порядке, Мика?

— Я в порядке, — выдавила я, окончательно приходя в себя.

Золотые глаза с вертикальными зрачками смотрели на меня сверху вниз. Совсем близко.

Оказывается, я лежала на руках у дракона, и его лицо было так близко, что я смогла рассмотреть родинку на виске, небольшой шрам на скуле.

Микаэль держал меня так, словно я ничего не весила. А до этого меня мужчины вообще на руках не носили.

— Здесь прохладнее, это должно помочь...

Я повернула голову и увидела, где мы находимся.

Терраса нависала над склоном холма. За низкими перилами уходил вниз обрыв, а далеко внизу лежали крошечные черепичные крыши, ниточки улиц, игрушечные дымки из труб. Высоко. Очень высоко.

Сердце оборвалось, в ушах снова зашумело, и я вцепилась в дракона обеими руками, как утопающая.

— Нет! Не в порядке! Совсем не в порядке!

Дракон в моих объятиях словно окаменел. Я чувствовала, как под камзолом напряглась каждая мышца, а температура его тела подскочила еще на пару градусов.

— Не волнуйтесь, — голос звучал заметно ниже обычного. — Никто не причинит вам вреда, это просто выселение, процедура совершенно…

— Я высоты боюсь! — простонала я ему в шею. — Уберите меня отсюда!

Я вцепилась в дракона еще крепче. А он замер, даже не пошевелился, даже не дышал. Можно было подумать, что я держусь за статую, но я чувствовала его жар и быстрое биение сердца. На шее пульсировала венка.

Теперь и я замерла, осознавая, что я вообще-то в крепких объятьях незнакомого мужчины.

— Да унеси ты ее уже! — раздался недовольный голос Вирена.

Гепард головой подтолкнул хозяина ко входу в дом. Я мельком обратила внимание, что часть дома, примыкающая к бару, ничуть не поменялась. Бабушкин темный сруб с деревянными наличниками, за окном виднелась морда капибары, задумчиво жующей тюль.

— Иван! — я окончательно очнулась и гаркнула на младшего из троицы моих питомцев.

Мой крик и дракона привел в чувство, он едва заметно вздрогнул и спросил:

— Куда именно вас… перенести?

— В дом! К капибарам, пока они ничего не натворили.

Дракон нес меня осторожно, будто я из хрусталя. Два шага, три. Я разжала хватку у двери. С этого ракурса холм не казался таким высоким и страшным, правда, голова все еще кружилась.

— Здесь, — выдохнула я. — Поставьте.

Микаэль аккуратно опустил меня на ноги, но я снова покачнулась. Дракон поспешно приобнял меня, приоткрыл дверь и помог мне зайти в коридор.

Я коснулась рукой стены и с облегчением выдохнула.

— Простите, у меня… боязнь высоты, — пролепетала я, еще не отойдя от шока.

Перед глазами плыло, сердце стучало на уровне горла.

— Это вы простите, мне следовало отнестись к вам внимательнее. Я не всегда понимаю людей и…

Повисла тишина. Мы посмотрели друг на друга — я, растрепанная, бледная, в драных джинсах и растянутом свитере, и он, безупречный, но немного растерявшийся широкоплечий красавец, которому приходилось слегка наклонять голову, чтобы не задевать потолочную балку.

Дракон хотел еще что-то сказать, но вместо этого наморщил нос и с очень удивленным видом чихнул.

— Прошу прощения, — сказал он, а затем чихнул снова. А потом еще раз и еще.

Чихи получались с каждым разом все громче, и, закрыв нос платком, он пробормотал:

— Кажется, я простыл.

— А с драконами такое бывает? — удивилась я.

— С ним не бывает! — Вирен толкнул хозяина головой к выходу. — Скажите ему, чтобы немедленно лег в постель и позвал доктора!

— Немедленно в постель и вызывайте доктора! — бездумно повторила я и осеклась.

Дракон посмотрел на меня поверх платка с крайним удивлением. И правда!

— Нет! Я не это имела в виду. Вернее, это… это Вирен.

Мы не успели толком распрощаться, потому что гепард силой вытолкал своего чихающего хозяина за дверь и лишь махнул мне кисточкой на прощанье. Я так и осталась стоять посреди коридора.

— Что это вообще было?!

Из гостиной раздался грохот, следом — звук выплескивающейся воды и шлепанье мокрых лап.

Я рванула к двери и распахнула ее.

Иван лежал на краю бассейна с куском тюля в зубах, под его весом пластиковая кромка прогнулась, и вода лилась на пол, подбираясь к масляному радиатору. Маня изо всех сил карабкалась на запас сена, сложенный в углу.

Борис стоял там же, где я видела его с утра, и флегматично жевал сено.

Я метнулась к радиатору и вынула его из розетки, прибор жалобно пикнул.

— Иван, — сказала я. — Ну почему ты не можешь вести себя прилично?

Иван внимательно смотрел на меня, и мне показалось, что он немного косоват. Похоже, Аня была права, и я намучаюсь с этой капибарой.

— Стихийное бедствие, а не зверь, — буркнула я и стала убирать последствия. На самом деле это было ровно то, что нужно: простой и понятный труд, чтобы привести мысли в порядок.

Я закатала рукава, стянула волосы в хвост и принялась за работу.

Сначала бассейн. Он явно не был предназначен для животных. Один укус — и мы лишимся водоема, зато приобретем потоп. Возможно, стоит усилить его с краев, да хоть из бревен сложить стенку, а изнутри укрыть его несколькими слоями пленки, чтобы хоть как-то защитить.

Я перетащила бассейн в сухой угол, чтобы проверить, не течет ли он. Надо было брать что-то поосновательнее, но кто ж знал, что я окажусь непонятно где и непонятно как.

Дальше я собрала мокрое сено и вынесла его на улицу, стараясь не смотреть на вершины гор и маленькие домики внизу. Пока я думала, что все это сон, страха не было, а теперь он навалился, почти паника.

Я вернулась как раз вовремя. Иван уже где-то нашел ветошь и пытался расправиться с ней, разгрызая на клочки.

Я сунула ему взамен пучок свежего сена, а сама посмотрела на тряпки.

— А ничего, подходит.

Следующие полчаса я собирала воду в ведро, раскладывала новое сено, нарезала в плошки кабачок. Бабушкина кухонька, к счастью, была на месте, и даже вода из крана текла.

Питьевая ли?

Капибарам давать не рискнула, разлила им по мискам ту, что была у меня с собой в бутылке. Мои подопечные хрустели завтраком, а я проверила, работает ли радиатор. Работает, не залили. Я установила его на нужную температуру и выдохнула, а затем мне в голову запоздало пришел вопрос.

— А как?! Почему он работает-то?

За окном какое-то средневековье с драконами и говорящими гепардами, черепичные крыши и горы со снежными вершинами. Откуда тут двести двадцать вольт?

— Тот, кто ищет ответы, теряет вопросы, — произнес кто-то басом.

Глава 2

Я обернулась так резко, что шею свело. Никого. Только я и капибары, которые с аппетитом хрустели овощами.

— Кто это сказал?

Тишина. Мерное чавканье.

— Эй? Ау!

Ответа не последовало. Я обвела комнату взглядом. Окна закрыты, дверь тоже. За стеной — пустой коридор, я только что оттуда. Телевизора нет, радио нет. Телефон? Может быть, он ловит!

Забыв обо всем, я рванула к рюкзаку, вытащила свой потрепанный мобильник, заряд еще был, но сигнала не было. Я попробовала поднять его повыше, походила с ним по комнатам — безрезультатно.

Может, я просто схожу с ума, и это нормальная реакция на то, что за одно утро я узнала о существовании драконов, говорящих гепардов и волшебного законодательства.

— Ладно, — сказала я вслух. — Допустим. Я в другом мире. Капибары накормлены, бассейн на месте, надо осмотреться.

Я прошла по коридору в прихожую. Бабушкин дом изнутри выглядел точно так же, как и раньше: те же стены, те же половицы, проржавевший крючок для одежды у двери. Но входная дверь теперь вела не на крыльцо с тремя ступеньками, а на террасу-бар с видом на обрыв.

Я осторожно выглянула, держась за косяк. Стойка, табуреты, навес. Над дверью — старая вывеска с незнакомыми буквами, видимо, название, а под ними мелко выцарапано на русском: «Заходи, садись, рассказывай».

Рядом с дверью обнаружился выключатель. Обычный, белый, пластиковый. Я щелкнула им, и под навесом зажглись маленькие лампочки, нанизанные на провод, как бусины. Теплый желтоватый свет, уютный, ненавязчивый. Вечером, наверное, здесь было бы очень красиво — гирлянда, горы в закатном свете. Вспомнив, что нахожусь на довольно высоком холме, я отступила в дом.

Стоп! Электричество в волшебном мире?

Провод от гирлянды тянулся вдоль навеса, потом нырял через щель в срубе. Я проследила за ним взглядом. У бабушки в деревне от крыши к столбу был переброшен черный кабель — обычная воздушная линия. Но здесь никаких столбов не было. Провод уходил вниз по стене и исчезал в каменной кладке фундамента. Под землю.

Странно.

Я вернулась в дом и остановилась в коридоре. Подпол. У бабушки был подпол в спальне, и она категорически запрещала туда лазать. Мне было четыре, и я, конечно, пыталась, но бабушка всегда прикрывала люк длинной ковровой дорожкой и ставила сверху тяжелый табурет — чтобы наверняка. «Там холодно и темно, делать тебе там нечего», — говорила она.

Спальня была на месте. И ковровая дорожка — выцветшая, с бахромой — лежала ровно там, где я ее помнила. Табурет стоял сверху, будто бабушка отлучилась на минуту и сейчас вернется.

Я отодвинула табурет и скатала дорожку. В деревянный пол был аккуратно врезан квадратный люк с железной ручкой, почерневшей от времени.

Я потянула. Люк оказался тяжелым, но петли не заржавели, и крышка поднялась плавно и легко, будто ею пользовались регулярно.

Снизу хлынул свет. Золотой, теплый, густой — не электрический, не солнечный, а какой-то другой, мягкий и живой, от которого по коже побежали мурашки.

Деревянная лестница вела вниз. Я спустилась, держась за перила, и остановилась на последней ступеньке, застыв от изумления.

Погреб оказался огромным. Гораздо больше, чем дом над ним, — это было видно сразу и никакой логикой не объяснялось. Высокие сводчатые потолки из тесаного камня, широкие проходы. Стеллажи тянулись рядами, и на них теснились сотни стеклянных банок — соленья, варенья, маринады, компоты, все аккуратно расставленное и подписанное. У дальней стены громоздились мешки с корнеплодами, а над ними на железных крюках висели связки трав и сушеных грибов.

Все это освещали кристаллы. Небольшие, размером с кулак, они были вмонтированы в стены через равные промежутки и мерцали ровным спокойным светом.

Но главное было в углу.

Там, за невысокой каменной оградкой, стоял кристалл совсем другого масштаба. В высоту он доходил мне до груди, золотистый, полупрозрачный, и внутри него что-то медленно пульсировало, как сердцебиение. Кристалл был встроен в конструкцию из меди — рамы, зажимы, толстые жилы проводов, уходящие в потолок. А рядом, на стене, висела оранжевая табличка с черной молнией и большой рубильник, точь-в-точь как в электрощитовых.

Я подошла ближе. От кристалла шло тепло и тихий гул, на грани слышимости.

— Лаааадно, допууууустииим…

Получается, что дом запитан от магического кристалла. Поэтому работал радиатор, поэтому работал насос и шла вода, поэтому горели лампочки.

Минут пять я просто стояла и смотрела на кристалл. Затем я развернулась к стеллажам и начала беглый осмотр. Огурцы в стеклянных банках с закатанной крышкой — такие есть в каждом доме.

Компоты, варенья, соленья.

В мешках явно были овощи, в ящиках, наверное, зелень, но я не рискнула их брать. Как они вообще не сгнили за двадцать лет? Я подошла посмотреть поближе и заметила, что на каждом мешке аккуратно вышиты рядами какие-то символы.

— Это руны, что ли? — спросила я в пустоту и замерла, прислушиваясь.

Никто не ответил, только наверху послышался какой-то легкий звон. Будто колокольчик.

Я взяла с полки банку с огурцами, осторожно поднялась по лестнице, вышла в коридор, потом к двери, выглянула — и замерла.

За барной стойкой сидел старичок. Маленький, сухонький, с длинной седой бородой, в чем-то среднем между дорожным плащом и потрепанной мантией. На стойке перед ним стоял колокольчик, который он, видимо, принес с собой.

Старичок посмотрел на меня, крякнул и произнес:

— Ну наконец-то! Чаю выпить у вас можно?

Я растерянно кивнула, прежде чем успела подумать.

— Чай черный или зеленый? — спросила я и сама удивилась, как буднично это прозвучало.

Он глянул на меня, как на человека, задавшего глупейший вопрос в его жизни.

— А мне все равно, какого цвета. Я его пить собираюсь, а не любоваться.

Я молча ушла на бабушкину кухню. Все было на месте — полки, банки, потемневший от времени шкафчик. На верхней полке стояла знакомая жестяная коробочка с ромашками на крышке. Я открыла, понюхала — пахло чаем, хотя коробочке было лет двадцать.

Заварочного чайника я не нашла, поэтому бросила листья прямо в кружку и залила кипятком из электрочайника.

Старичок принял кружку и начал пить. Маленькими глотками, сосредоточенно, глядя куда-то вдаль. Я стояла рядом и тоже молчала, потому что не знала, что говорить. Он не спрашивал, я не предлагала.

— А почему вы пришли пить чай именно сюда?

— А почему не зайти туда, где вывеска горит? — он кивнул на гирлянду.

— Что-нибудь еще? Перекусить?

Я понятия не имела, что бы предложила, окажись ответ положительным. Банку огурцов из подпола?

— Ничего, спасибо.

Он допил чай, невозмутимо сжевал чаинки, аккуратно положил на стойку маленькую монетку и ушел, на прощанье коротко кивнув. Я стояла, не в силах смотреть, как он начинает спускаться по тропинке с этого высоченного холма. Страх высоты снова сдавил мне горло, и я отошла к барной стойке, где призывно поблескивала монетка.

Немного помешкав, я взяла ее в руки, и в тот же момент по дому прошла волна. Не звук, не ветер — что-то другое, будто воздух всколыхнулся. Гирлянда под навесом вспыхнула ярче, потом вернулась к обычному свечению.

Я схватилась за барную стойку, думая, что началось землетрясение, но все стихло.

— Что за…

— Воу! — раздался голос за спиной. — Ты приняла оплату?

Белоснежный гепард дракона сидел на барном табурете, обвив лапы хвостом, и смотрел на меня с выражением морды, которое можно описать, как смесь любопытства и скепсиса.

— Вирен? Как ты тут… Я тебя не заметила.

— Не отвлекайся от темы. Ты. Взяла. Оплату.

— Какой-то старичок дал мне эту монету за чай. А что, не надо было брать?

Вирен дернул ушами, накрыл морду лапой и совсем по-человечески вздохнул.

— Как бы тебе объяснить. Ты приняла оплату в волшебном заведении. Это… мррр… ну, некая форма магического договора. Теперь ты — хозяйка бара на холме. Поздравляю и сочувствую.

Я посмотрела на монетку. Потом на Вирена. Потом снова на монетку.

— Ну, супер, — простонала я. — Получила монетку и огромный долг в довесок.

— Ну, ты всегда можешь его не отдавать, — Вирен потянулся и обвил лапы хвостом справа налево. — Бар снесут, и ты свободна.

— Стоп, что значит — свободна?! Я вернусь домой?

— Эм. Нет. Это так не работает.

Белый гепард прыгнул на барную стойку и принялся расхаживать по ней, как преподаватель перед аудиторией.

— Ты нечаянно попала в мир-перекресток, в самое сердце Междумирного Базара. Только мы сейчас закрыты… можно сказать, на ремонт. Официально вход и выход запрещены.

— Как это запрещены?! Я что, заперта здесь навсегда?

Гепард обернулся, махнул хвостом и продолжил терпеливые разъяснения.

— Перекресток закрыт… мррр… временно. Понимаешь, у нас было нападение монстров из других миров, затем смена власти, нового короля еще не выбрали, на базаре половина лавок испорчена. Так что пока здесь все не приведут в порядок, входа и выхода отсюда нет. Магически запечатано. Закрыто. Заперто.

Довольный своим разъяснением, Вирен уселся на барной стойке поудобнее. В глазах фамильяра явно читалось превосходство над простым растерянным человечком, не знающим элементарных истин.

Я взяла со стойки полотенце и махнула им, сгоняя гепарда со своего места.

— Во-первых, кыш. Животным на стол нельзя. Во-вторых, я же здесь оказалась, значит, не работает эта ваша… блокада, или как вы это зовете.

Вирен, вынужденный вернуться на табурет, раздраженно дернул ухом.

— Здесь оказалась не ты. Нет, не так. Конечно, ты, но не благодаря дыре в блокаде. Просто это строение — многомирное. То есть находится одновременно в нескольких мирах. Их строили давным-давно и по таким древним магическим законам, что современные магистры бессильны. Получается, что ты просто вошла в этот дом в одном мире, а вышла в нашем.

— О! Значит, я могу каким-то образом войти обратно в свой? Это обнадеживает!

Я посмотрела в глаза гепарда и поняла, что хороших новостей мне не ждать.

— Ну, если снесут строение, то не получится. Сама понимаешь. А еще из-за блокады на доме стоит печать. Вход есть, потому что он в другом мире, а выхода нет, потому что у нас все заблокировано.

Я медленно опустилась на табурет.

— Стоп. Стоп-стоп-стоп. Я не хочу, чтобы бабушкину избу сносили. Ты говоришь, что мир скоро откроют?

— Мррр, ну… хотят. Планируют, я не очень слежу за этим.

— Ну, чисто теоретически, если откроют, то я попаду домой?

Гепард дернул ухом и задумчиво произнес:

— Пожалуй. Но только вряд ли это случится в ближайшие три недели. А через три недели будет снос из-за долга.

Я простонала, утыкаясь лбом в барную стойку, затем резко выпрямилась.

— Допустим, все так. Но я же могу выплатить долг. Или договориться с твоим хозяином о переносе срока.

— Договориться с моим занудным все-по-правилам-и-по-закону хозяином? Да с ним родные братья договориться не могут. Я иногда не могу, а тут ты и твои… как их там?

— Капибары, — поправила я его. — Кстати, как твой хозяин? Он же заболел.

— Не надейся, — фыркнул гепард. — Крылья не отбросит. Драконы вообще-то не болеют. Мой хозяин пришел домой, и все прошло. Лежит в кровати, работает. И чего он чихал — непонятно.

Я прикусила губу. У меня как раз было подозрение. Чихание началось, когда дракон зашел в дом, и прекратилось, когда Вирен его вытолкал на улицу. Дома — капибары. Шерсть, сено, пыль.

— Вирен, — сказала я медленно, — а у драконов бывает аллергия?

Гепард поднял голову и посмотрел на меня с выражением существа, столкнувшегося с абсолютно новой концепцией.

— Аллергия? — он моргнул. — Ни разу о таком не слышал.

Я не успела продолжить мысль, потому что внезапно в воздухе мелькнуло что-то яркое, пахнуло теплым ароматом костра из можжевельника — и на барную стойку опустилась птица.

Я отшатнулась и чуть не опрокинула табурет.

Это была не просто птица. Размером с крупного фазана, с длинным хвостом из перьев, которые горели зеленым пламенем, мерцающим и похожим на северное сияние. Огонь стекал по перьям, капал с кончиков, но не обжигал стойку и не оставлял следов. Голова птицы была увенчана хохолком из тонких изумрудных язычков огня. А большие круглые янтарные глаза смотрели с надменностью.

Птица сложила крылья, поправила хвост и повернулась к Вирену, не удостоив меня даже взглядом.

— Вирен, дорогой, — произнесла она высоким мужским голосом, немного гнусавым. — Что ты здесь забыл и где твой зануда?

— Мика дома, а я тут отдыхаю. Хотя предпочел бы отдых где-нибудь на островах. Как твои дела, Зарион? Сияешь…

— А я, между прочим, как раз чищу перья на острова. Мне удалось свести своего человека с самочкой. Скоро медовый месяц.

— Везет, — протянул Вирен с завистью. — А как тебе удалось? Я даже не представляю, как скрещивать людей. У людей нет ни брачного периода, ни течки. Абсолютно непредсказуемые существа. Очень неудобно разводить.

Птица согласно качнула головой.

— Так! — я хлопнула ладонью по стойке, оскорбленная таким отношением до глубины души. — У нас тут, между прочим, деловой разговор!

Птица замерла на полуслове и уставилась на меня так, будто табурет заговорил.

Вирен виновато дернул ухом.

— Прости, — промурлыкал он, — забываю, что ты нас слышишь.

— Она нас слышит?! — птица вздернула хохолок, и зеленое пламя на перьях вспыхнуло вдвое ярче.

У входа в бар появилась фигура в черной мантии с золотыми рунами, судя по посоху — какой-то маг или что-то вроде того.

— Переведи ему! Переведи! — птица возбужденно махала крыльями. — Я ненавижу зерно! Я клюю его только потому, что он подмешивает в него вкусняшки! Я хочу нормального мяса! Я хищник, а не курица!

Маг поднялся на террасу, тяжело опираясь на посох, и устало опустился на табурет рядом с птицей. Он погладил ее по спине, не обращая внимания на зеленое пламя, которое лизнуло его пальцы и не обожгло.

— Прошу прощения, — произнес он тихо. — Зарион учуял знакомого фамильяра и прилетел здороваться.

— Ничего страшного, все отлично, хотите чаю? — я искренне пыталась быть вежливой, а где-то в мозгу отчаянно билась мысль, что все происходящее — полный бред. Говорящие фамильяры, маги, бар.

— Переведи ему! — зашипел Зарион в мою сторону. — Быстро! Про мясо!

Я сделала глубокий вдох и осторожно заговорила.

— Я очень извиняюсь, но ваш фамильяр просил передать, что устал от зерновой диеты и хотел бы получать…

— Мясо! Мясо! С кровью! — не унимался Зарион.

Я кашлянула, поправляя волосы.

— Вашему фамильяру нужен белок животного происхождения.

Маг удивленно поднял брови.

— Я даю ему яйцо, если вы про это. И Зарион обожает зерно, его выращивают специально для него на ферме за городом. — Кажется, маг решил, что я не в себе, потому что он поднялся с места и вежливо улыбнулся. — Еще раз извините за вторжение, нам, пожалуй, пора. Обязательно выпью чай как-нибудь в другой раз.

Зарион простонал, хлопая крыльями, но хозяин явно списал поведение фамильяра на общение с Виреном.

— Простите, просто я владею баром и поэтому слышу голоса фамильяров!

Я честно попыталась исправить ситуацию, но, судя по взгляду мага, только усугубила ее. Он смотрел на меня как на сумасшедшую и поспешно отступал к выходу. Я сделала шаг, чтобы его нагнать, но он только ускорился.

Зарион обреченно поплелся следом, бросив через плечо:

— Кажется, меня просто кто-то проклял…

— Возвращайся сюда! — крикнула я ему вслед. — Я постараюсь все объяснить нормально.

Маг, видимо, решил, что я обращаюсь к нему, непонимающе моргнул, протер очки и почти бегом отправился восвояси.

— А я смотрю, переговоры не твой конек, — язвительно мурлыкнул гепард.

— А я смотрю, ты тоже не мастер полезных советов, — огрызнулась я и плюхнулась на табурет.

Вирен фыркнул, но промолчал.

Мы оба смотрели на тропинку, по которой скрылся маг с несчастным Зарионом на плече. Солнце уже перевалило через зенит, тени стали длиннее, и лампочки на гирлянде засветились чуть заметнее.

— Объясни мне одну вещь, — сказала я наконец. — Магия здесь есть. Фамильяры есть. Драконы летают, жар-птицы горят, кристаллы в погребах питают целые дома. Но при этом маг не может услышать собственного фамильяра? Бред же!

Вирен дернул ухом.

— Таковы законы мира. Фамильяр — магическое продолжение хозяина. Люди иногда сами с собой не в ладах, себя понять не могут, что уж говорить о фамильярах?

Я усмехнулась. В этом был резон.

— Да, пожалуй, ты прав. Ну, в общем, я честно пыталась помочь. Не моя вина, что маг оказался упертым.

— Может, еще и поможешь, — в голубых глазах гепарда мелькнули озорные искры.

Он сел ровнее и посмотрел на меня с выражением наглой ушастой морды, у которой в голове созрел план.

— Думаю, я знаю, как тебе заработать на аренду. Поработай-ка над меню своего бара, а я пришлю тебе парочку клиентов завтра. Договорились?

Я удивленно посмотрела на него. Звучало безумно, но не безумнее всего остального, что произошло за этот день.

— Допустим, — кивнула я.

— Ну и ладно, — Вирен поднялся и потянулся. — Хозяин встал с постели, сейчас хватится меня. Пока!

С этими словами гепард спрыгнул с табурета, стремительно метнулся к краю террасы и растворился в воздухе на моих глазах. Только кисточка хвоста мелькнула напоследок — и все.

Я осталась одна на террасе.

Что ж. Не зря я после закрытия зоопарка работала то официанткой, то баристой, то продавцом нижнего белья. Похоже, все эти навыки, которые мне как зоологу казались бесполезными, пригодятся самым удивительным образом.

Глава 3

Я вернулась в коридор, нашла в рюкзаке огрызок карандаша и старые скомканные чеки, расправила самый длинный на столе и задумалась.

Меню. Самое маленькое, самое простое — с чего начинается любое заведение?

Напитки. Без них никуда. Кофе вряд ли найдется, а чай точно есть, и травы тоже. Холодные напитки тоже можно организовать. Что-то вроде лимонада, охлажденного настоя трав. Люди даже остывший чай с подсластителем с радостью пьют и в магазинах покупают втридорога, уж я точно что-нибудь такое придумаю.

А чем кормить посетителей, размышляла я. Какие-то закуски должны быть? Наверняка в этом мире есть хлеб и его аналоги, в погребе я видела соленья.

Горячее. Для горячего нужно мясо, или рыба, и хотя бы какие-то крупы на гарнир. Впрочем, гарнир можно делать и из овощей.

Супы? Я прикинула в уме, нужны ли они вообще в меню. Если да, можно сделать какой-нибудь суп-пюре. Ну, или бульон.

На секунду я отвлеклась и подумала: а есть ли заведения, которые специализируются на супах и супчиках? Суповни?

Салат-бары есть. Мысль уткнулась в слово «бар».

Если бабушка держала бар, то где весь алкоголь? Ни одной початой бутылки, ни бочки, ни даже пустой тары из-под чего-нибудь крепкого. Выходит, спиртным здесь не торговали, а значит, и бар мне держать незачем.

Кафе. Вот что у меня тут будет, кафе.

Мысли разбегались в стороны. Сконцентрироваться было практически невозможно, и я пока отложила меню, решив, что буду плясать от того, что найду в погребе.

Но сначала нужно проведать пушистых иждивенцев, убрать у них и покормить.

Я отложила карандаш и пошла в гостиную.

Картина, которая меня ждала, вызывала смешанные чувства. Иван спал в бассейне, свесив голову через пластиковый борт, и тихо посапывал. Из пасти свисал недожеванный кусок обоев. Такое ощущение, что самый молодой грызун из троицы был грызуном в прямом смысле — грыз все, что попадалось на пути. При этом лежащая рядом морковь была нетронутой.

— Дурачок какой, — вздохнула я и оценила масштаб бедствия.

Судя по оторванному куску, съел он немного, скорее просто попробовал. Зато на обнажившейся стене я увидела причудливые руны, слабо светящиеся зеленым.

Очень хотелось потрогать, посмотреть поближе, но я решила не рисковать. Вдруг это опасно? Лучше потом спрошу у фамильяра.

Маня сидела в углу, максимально далеко от бассейна и от Ивана, и вылизывала лапу с таким сосредоточенным видом, будто выполняла ритуал. Борис лежал ровно там, где я его оставила, — у стены, как памятник самому себе.

— Так, ребята, — сказала я, засучивая рукава. — Давайте приводить вас в порядок.

Сено было мокрым, затоптанным и на три четверти сожранным. Я сгребла остатки в ведро и вынесла в коридор. Я расстелила свежее из пакета — последняя порция, дальше кормить нечем. Морковь заканчивалась, кабачков осталось два. Воду в бассейне нужно было менять — Иван в ней не только купался.

— Другого места не нашлось, да?

В список дел добавился пункт про купание капибары. Да, животные явно не комнатные. Вот бы обустроить им какое-то место на улице. Вроде в этом мире не холодная весна, а что-то ближе к лету.

Еще одна задача на потом. А ведь я еще не проверила дверь, ведущую на задний двор. Там тоже могло что-то поменяться.

Но страх, что там какой-то обрыв, был силен. Для начала я решила обойтись тем, что есть: вычерпать грязную воду из бассейна ведром, вылить все в туалет, а в раковине набрать свежую. Пару раз окатить Ивана, слить и налить уже чистую.

Не идеально, но хоть как-то.

К концу работы я уже дышала с трудом. Кто бы знал, что быть зоологом — тяжелый физический труд. Хорошо, что из контактного зоопарка спасали капибар, а не мини-бегемотов или слона.

Закончив с бассейном, я проверила, работает ли обогреватель. Двадцать два градуса, нормально.

Настало время осмотреть самих капибар. С Иваном все было понятно. А вот как Борис и Маня?

Я с ужасом подумала, что вряд ли в мире магии есть антибиотики! Как лечить капибар?!

Я присела перед Борисом и осторожно положила руку ему на бок. Теплый, дыхание ровное, шерсть без проплешин.

— Ну, красавец, давай-ка я тебя осмотрю, — я привычно заговорила с ним ласково, как в зоопарке, пока его не закрыли. Звери все чувствуют, даже если не понимают.

— Не волнуйся, просто проверю ушки, зубки, лапы.

— Здоровому не нужен лекарь, а больному не поможет, — раздался уже знакомый бас.

И я наконец поняла, что звук исходит от Бориса.

Я отшатнулась так резко, что потеряла равновесие, рухнула назад и приземлилась на пол рядом с Маней. Маня лениво отошла в сторону и уставилась на меня сверху вниз.

— То Иван летает, то человекан, — произнесла она ровным, чуть гнусавым голоском. — Развели суету.

Я сидела на полу, переводя взгляд с Бориса на Маню и обратно. Сердце колотилось бешено.

— Вы… вы говорите? Вы меня понимаете?!

Борис флегматично жевал сено так, будто меня вовсе не было в комнате. Маня отвернулась.

— Борис! Понимаешь, что я говорю?

Борис даже ухом не повел.

— Маня! Маня, посмотри на меня. Ты можешь ответить на вопрос?

Маня покосилась на меня и отвернулась. Тишина. Чавканье.

Или капибары меня нарочно игнорировали, или правда не понимали, что я говорю. Они просто… высказывались, когда считали нужным, как будто думали вслух.

— Маня! Маня, иди сюда! — я сделала еще одну попытку и поманила капибару морковкой.

Маня обернулась, посмотрела на меня и снова уткнулась в сено.

— Нервный человекан. Посидел бы и пожевал сена, сразу бы успокоился.

Я и правда была уже не против посидеть на полу и пожевать сена для успокоения. А еще в животе урчало ужасно.

— Сено?! — из бассейна появилась мокрая башка Ивана. — Свежее сено?!

Он выпрыгнул из бассейна, расплескав воду, промчался через всю комнату, схватил зубами пучок сена и затормозил головой в угол. Буквально врезался в стену и замер, с торчащими из пасти травинками и прижатым к обоям носом, и не выказал при этом ни боли, ни смущения. Просто начал жевать.

— Дурак голову не расшибет, — констатировал Борис, не поднимая морды. — У него мозга нет, сплошная кость.

Маня не ответила. Похоже, они и между собой особо не разговаривали, не то что со мной. В комнате снова повисла тишина, которую скрашивал дружный хруст.

— Ладно, потом поговорим, — сказала я и поднялась с пола, отряхнула джинсы и аккуратно вышла из гостиной, прикрыв за собой дверь.

Я постояла в коридоре, прижалась спиной к стене и закрыла глаза.

— Когда этот безумный день закончится? — прошептала я. — Вдруг я все-таки проснусь в своей кровати?

К счастью, на этот раз мне никто не ответил. Еще не хватало говорящих люстр, потолков и чего там еще в сказках бывает.

Очень хотелось есть и спать.

Мой взгляд уперся в приоткрытый люк подпола, из которого поднималось мягкое свечение.

Лестница вниз казалась длиннее, чем в первый раз. Или это ноги гудели после того, как я полдня таскала ведра с водой.

Золотой свет от кристалла заливал погреб целиком, и теперь, когда первый шок прошел, я могла осмотреться спокойно.

Погреб был огромный — не просто больше дома, а значительно больше, с высокими сводчатыми потолками и тремя проходами между стеллажами. Стены из тесаного камня, пол — утоптанная земля, сухая и плотная. Прохладно, но не холодно, градусов пятнадцать. Идеальная температура для хранения.

Я начала с ближайшего стеллажа и пошла вдоль полок, считая и запоминая.

Банки. Десятки, если не сотни стеклянных банок, расставленных по размеру. Бабушка всегда была аккуратной, и здесь это чувствовалось — каждая банка стояла ровно, крышка плотно закрыта, а на боку приклеена бумажка с надписью. Почерк знакомый, те же круглые буквы, только язык — незнакомый, те же закорючки, что на вывеске и на уведомлении. Но некоторые были подписаны по-русски.

— Что ж, приступим!

Я обнаружила три банки соленых огурцов, две с помидорами и пять с кабачковой икрой. Одну тут же отставила для себя.

От голода я едва удержалась, чтобы не открыть ее прямо здесь. Еще нашелся целый ряд маринованных опят. Дальше уже шли варенья: вишневое, абрикосовое, что-то темно-рубиновое, видимо, местное. Банок было столько, что я решила не считать. Попался целый стеллаж с компотом в трехлитровых банках. Вишневый!

Я аж простонала от предвкушения и тут же выставила себе на обед одну банку.

Рядом стояли еще банки с чем-то мутновато-розовым, возможно, с местным компотом, но я решила не открывать то, чего не знаю.

Я обошла второй ряд стеллажей и присвистнула, обнаружив целый склад мешков, запечатанных бочонков и глиняных горшков.

Открыв ближайший, я с радостью нашла муку. Она оставалась белой и свежей, несмотря на то, что бабушка пропала двадцать лет назад.

Я осторожно запустила в мешок руку: мука сухая, без комков, жучков тоже не видно. Еще один мешок оказался с похожей на гречку крупой. Я перестала вести в голове учет и переключилась на другое.

Как продукты оставались свежими?

Похоже, здесь работает какая-то магия. На мешках были вышиты руны, на стенах мерцали кристаллы, а еще я заметила то, на что не обратила внимания в первый раз. От каждого кристалла по камню расходились тонкие прожилки, светящиеся бледно-зеленым.

Я провела пальцем по прожилке: теплая и чуть вибрирует, как будто через нее проходит ток.

— Допустим, — произнесла я и почесала затылок. — Существует какое-то магическое поле, которое поддерживает свежесть продуктов.

Прожилка под моим пальцем засветилась ярче, будто отозвалась на прикосновение. Тепло поднялось до локтя. Я вскрикнула и отдернула руку.

Магии мне еще не хватало!

Тряхнув головой, я пошла к противоположной стене и торжествующе завопила.

— Картофанчик! Картошечка.

На этом мои моральные силы закончились. Я подняла край футболки, насыпала в нее, как в мешок, картошки и поспешила к банкам с грибами.

Кабачковая икра, грибочки, картоха, вишневый компот.

— Я в раю!

Бабушкина кухня была крохотной. Не кухня даже, а кухонька — закуток в два шага, втиснутый между коридором и спальней. Старая советская электроплитка на две конфорки, из которых работала только левая. Электрический чайник с накипью. Столешница — от силы метр, и половину занимала утварь: чугунная сковородка, две кастрюли, стопка тарелок и деревянная доска с ножом.

Я вспомнила, что бабушка всегда готовила на печи. Та стояла в гостиной, большая, кирпичная, с широкой заслонкой. Только теперь там расположились три капибары, сено и бассейн.

Придется работать с тем, что есть. К счастью, в этом мире работала вода. Текла она тонкой струйкой, ледяная, но текла.

Я почистила ножом картошку, вырезала глазки, порезала на четвертинки и бросила в кастрюлю, залила водой и поставила на конфорку.

Пока вода закипала, я вскрыла банку с грибами, промыла их от маринада и вывалила в суповую тарелку.

Кабачковую икру открыла тоже, но оставила в банке. Вкус детства. В итоге я не удержалась и лопала ее понемногу в ожидании картошечки.

Компот я решила пока не открывать, чтобы не перебить аппетит. Хотя как его перебить? Такое чувство, что я могла слона съесть!

Картошка варилась двадцать мучительных минут. Можно было вернуться в погреб и продолжить осмотр, но я гипнотизировала кастрюлю и подъедала икру. Дождавшись, когда вилка легко проткнет клубень, я слила воду, выложила картошку на тарелку, сдобрила кабачковой икрой и принялась за еду.

Наконец-то!

Стоило бы поискать в погребе масло, добавить в воду лавровый лист и перчик, но и пресноватая картошка с грибами и икрой казалась пищей богов.

Бабушка умела делать закрутки.

Я отправила в рот очередную порцию и задумалась. Теперь, когда я знала о мире магии, о бабушкином заведении, как-то не верилось, что она просто ушла за грибами и потерялась.

Где бабуля?

Глава 4

Я как раз насадила на вилку последнюю картофелину, когда в дверь постучали.

— Магический сыск, откройте, — раздался требовательный мужской голос.

Я замерла с вилкой в руке. Сыск. Наверное, у них есть информация про бабулю?

Вскочив с места, я едва не уронила стул, подбежала и открыла дверь. На пороге стоял мужчина лет тридцати в темно-зеленом шерстяном камзоле с золотой окантовкой. На груди был вышит замысловатый герб.

Угольно-черные волосы подчеркивали изумрудные глаза. Черты лица были настолько правильные, что казались выточенными скульптором.

За ним по ступенькам медленно вползал крупный ящер с высоким гребнем и чешуей, переливающейся, как черный жемчуг.

— Виктор Маркок, начальник магического сыска, — представился мужчина и показал какой-то знак на внутренней стороне ладони.

Что-то вроде светящейся татуировки, но рассмотреть ее я не успела.

— Вы ко мне по поводу бабули? — уточнила я.

— А как вы узнали? — Виктор чуть прищурился, вошел в коридор, осматриваясь.

Ящер полз следом, тяжело дыша.

— Подъемы. Как я ненавижу подъемы, — пыхтел он сиплым голосом. — Пиииииить…

— Так как вы узнали, что я приду к вам? — повторил Виктор. Я вздрогнула, понимая, что зависла.

— Минутку!

Быстро сбегав на кухню, я налила в плошку воды, затем, подумав, добавила в нее пару кубиков льда и поставила перед ящером.

Он сипло возблагодарил богов и принялся пить. Виктор удивленно посмотрел на меня, на фамильяра и, похоже, немного смягчился. Видимо, и в этом мире любовь к животным располагала людей.

— Простите, — улыбнулась я. — Я вас не ждала. Просто как услышала «сыск», подумала, что вы нашли мою бабушку или что-то знаете о ней. Она пропала из нашего мира двадцать лет назад.

Виктор остановился посреди коридора и хмыкнул.

— Вот оно как. Двадцать лет назад, говорите? Не сходится.

— А что не сходится-то? — спросила я.

Виктор еще раз оглядел меня, оценивая, стоит ли со мной вообще говорить дальше, затем сказал:

— Я вам расскажу суть расследования, если вы позволите мне здесь осмотреться.

Информация в обмен на обыск? Не самое приятное предложение, но, с другой стороны, скрывать-то мне было нечего.

— Но сначала информация, — сказала я, сложив руки на груди.

Ящер-фамильяр напился воды и лежал на теплых досках террасы, медленно перекатываясь с боку на бок.

— Пять лет назад произошло громкое ограбление. Две старушки в обмен на петуха взяли альпинистское снаряжение и обчистили уважаемых в столице аристократов.

Я невольно улыбнулась, представляя это в красках. Две бабульки приходят в лавку и меняют страховку на петуха.

— Кража артефактов в особо крупном размере — это не смешно, — строго сказал Виктор.

— Вы подозреваете мою бабушку в ограблении?

— Предположительно «Бархатные сердцеедки», так называется их банда, ушли через этот дом в другой мир.

Я не сдержалась и расхохоталась в голос: мало того, что я вообразила бабулек, влезающих в альпинистскую страховку прямо в кружевных панталонах, так они еще и сердцеедки? Как взмахнут нижними юбками, так все старички в обморок падают.

— Ладно… осматривайтесь, — я вытерла выступившие слезы. — Только с капибарами я вас наедине не оставлю.

— С кем?

— С капибарами. Тропические грызуны. Большие, мохнатые, безобидные.

Посмотрев на выражение лица Виктора, я махнула рукой — проще показать. Я открыла перед сыщиком, или как там его правильно называть, дверь в гостиную.

Борис лежал у стены в позе сфинкса. Маня сидела в углу и с достоинством вылизывала лапу. Иван спал, уткнувшись носом в обои.

Виктор замер на пороге.

— Никогда ничего похожего не видел.

Прошла минута. Виктор не шевелился. Он наблюдал, как Маня закончила с лапой и принялась жевать сено, как Борис задремал, мигая все медленнее, но не меняя царственной позы.

— Как вы говорите… капибары? — произнес он шепотом.

— Да.

— Очень… умиротворяющие, — он склонил голову набок, не отрывая взгляда от Бориса. — Кажется, на них можно смотреть весь день.

— Хотите травяной чай? — предложила я, заметив, как расслабились его плечи.

Виктор дернулся, будто его поймали на чем-то запретном, и тут же выпрямился, возвращая себе официальный вид.

— Нет, благодарю, мисс…

— Дарья Сергеевна.

— Благодарю, Дарья Сергеевна, боюсь разомлеть, а мне еще в участок.

— Как скажете. Только из гостиной начинать смысла нет, здесь ничего, кроме капибар и бассейна. Если бабушка прятала что-то, то скорее в погребе.

Виктор поднял руку, и на его ладони засветились руны:

— А это мы сейчас узнаем.

Я застыла на месте. На моих глазах руны на стенах ярко вспыхнули, на печи проступила какая-то пентаграмма, пол расчертился линиями.

Капибары на магию не отреагировали. Борис даже ухом не повел, Маня продолжила жевать, а Иван спал так крепко, что светящиеся линии на полу прошли прямо под его носом, и он разве что поморщился.

Виктор медленно поворачивался, считывая что-то видимое только ему. Руны на его ладони пульсировали в такт линиям на стенах.

— Чисто, — сказал он наконец. — В этой комнате ничего, кроме ваших умиротворяющих грызунов и остаточного магического фона от печи. А вот внизу, — он опустил руку и указал на пол, — что-то серьезное. Большой источник энергии.

— Это погреб, — кивнула я. — Там кристалл, я уже видела. Идемте, покажу.

Мы вышли в коридор. Виктор остановился у открытого люка, заглянул вниз, увидел золотое свечение — и присвистнул. Тихо, сквозь зубы, но я услышала.

Мы спустились. Виктор обошел стеллажи с банками, не задерживаясь, его интересовал кристалл. Он подошел и провел рукой в воздухе рядом с ним, не касаясь. Руны на ладони вспыхнули ярко-зеленым.

— Камень питания, — произнес он. — Старая работа, очень старая. Такие ставили лет семьдесят назад, сейчас технология утрачена. Одно это стоит целое состояние.

— Серьезно?

— Абсолютно. И система сохранения, — он кивнул на зеленые прожилки вдоль стен. — Сделано мастерски. Ваша бабушка была либо очень богата, либо знала нужных людей.

Он двинулся к дальней стене, и я пошла за ним. Там в камень был утоплен металлический щиток с дверцей. Виктор откинул ее — и замолчал.

Я заглянула через его плечо. Внутри были не пробки и не автоматы, а ряды медных рычажков, тумблеров и переключателей, каждый подписан крошечными рунами. А в центре на отдельном кронштейне крепился прибор, похожий на компас — круглый, в латунной оправе, со стрелкой и шкалой.

Только стекло было разбито. Стрелка болталась криво, а по латуни шла глубокая трещина. Намеренно.

— Теперь понятно, — сказал Виктор. — Вот почему вы сюда попали и не можете вернуться. Это навигационный узел. Управляет перемещением содержимого между мирами. Старушки-преступницы ушли через этот дом и сломали механизм, чтобы оторваться от погони.

Он аккуратно закрыл щиток.

— Думаю, если восстановить навигатор, вы сможете вернуться домой. Нужен мастер по древним механизмам.

— А если дом снесут, — сказала я, — это все можно снять и перенести куда-то? Будет работать?

Виктор покачал головой.

— В таких домах ничего сносить нельзя. Навигатор, кристалл, портальная печать — все связано со стенами. Вынешь один кирпич — система может рухнуть, — он помолчал и огляделся. — А почему это место под снос?

— Потому что бабушка пропала, и за аренду никто не платил двадцать лет. Лорд-дракон Морлэйт вручил мне уведомление. Двадцать один день.

— Морлэйт, — повторил он. — С ними шутки плохи.

Мы поднялись наверх. Ящер спал у люка, свернувшись. Виктор перешагнул через него привычным движением.

— Я пришлю вам хорошего юриста по делам попаданцев, — сказал он, убирая блокнот в карман. — А сам наведу справки по вашей бабушке. Зайдите ко мне в участок в конце недели, обсудим.

— Спасибо, — сказала я.

Он коротко кивнул, подхватил уснувшего ящера на руки, охнул от тяжести питомца, но все же понес.

Я проводила их до террасы, еще раз поблагодарила и вернулась в дом, а потом заглянула к капибарам. Борис жевал сено. Маня дремала. Иван сидел в бассейне с задумчивым видом.

И тут до меня дошло.

Зайти в участок! Я выйти не могу из-за страха высоты.

— Нет, — выдохнула я и рванула к двери.

Я выскочила на террасу, но тропинка уже пустовала. Только далеко внизу, у первого фонаря, мелькнул темный силуэт и исчез за поворотом.

Я стояла, вцепившись в дверной косяк, и смотрела, как на город опускается ночь. Черепичные крыши потемнели, и окна загорались одно за другим.

У городской стены зажглись фонари, цепочка света потянулась вдоль улицы. Где-то под холмом звякнул колокольчик, хлопнула дверь, засмеялся ребенок.

Все это было так близко. И так недосягаемо.

Ветер тронул гирлянду, лампочки качнулись, бросая теплые блики на старую стойку и пустые табуреты. Вывеска над дверью едва угадывалась в полумраке: «Заходи, садись, рассказывай».

— Утро вечера мудренее, — сказала я.

Я щелкнула выключателем, и гирлянда погасла. Остались только далекие огни города и звезды — яркие, крупные, незнакомые.

Я закрыла дверь, прошла по темному коридору мимо сопящих капибар и легла на матрас, укрывшись бабушкиным пледом. Он пах лавандой и травами.

Глава 5

Проснулась я от солнечного луча, который бил прямо в лицо. Несколько секунд я лежала с закрытыми глазами, уговаривая себя, что сейчас увижу потолок бабушкиного дома в деревне, заросший сад за окном и покосившийся забор.

Потолок оказался бабушкиным, а вот свет — совсем другой, золотистый и яркий.

Я встала, подошла к окну, отодвинула тюль и со вздохом окинула взглядом снежные вершины, розовые в утренних лучах. Внизу над черепичными крышами поднимались первые дымки, а по далекой улочке катилась крошечная тележка. По спине пробежали мурашки — жуть!

Я наскоро умылась и пошла проверять своих подопечных. Картина за дверью гостиной заставила мое сердце сжаться.

Борис сидел у пустой миски и смотрел на меня так, как может смотреть только голодное существо. Маня лежала в углу и тоже не сводила с меня глаз, в ее взгляде читалась укоризна. Иван же занимался тем, от чего у меня волосы встали дыбом.

Он грыз кирпич из печной кладки, упираясь задними лапами в пол и налегая всем телом.

— Иван, прекрати немедленно! — я подскочила и оттащила его за шкирку. — У тебя же резцы треснут, это кирпич, а не морковка!

Я осмотрела ему зубы и обнаружила царапины на верхних резцах. Еще пара таких завтраков — и начнутся сколы. Капибарам необходимо их стачивать, потому что растут они всю жизнь, но для этого нужны ветки, а не строительные материалы.

Сена в пакете было на самом донышке, и я распределила последнее по мискам, понимая, что нужно срочно искать альтернативу.

Я спустилась в погреб и на этот раз смотрела на бабушкины запасы глазами зоолога, а не голодного человека. Капибары в природе едят водную растительность, злаки, кору, корнеплоды и фрукты, так что оставалось понять, что из этого подойдет.

Кабачки вчера пошли на ура, и я набрала их побольше. Лук капибарам давать нельзя, а вот клубни, похожие на репу, вполне могли подойти. В дальнем углу обнаружился ящик, который я раньше не замечала: внутри лежали пучки широких мягких листьев, похожих на салат. Я понюхала: свежие, без горечи, и магические прожилки на стенах явно держали их в идеальном состоянии.

Рядом на крюках висели связки сухих стеблей, жестких и волокнистых, что-то вроде сушеной осоки. В природе капибары охотно такое едят, и эта находка могла заменить кончившееся сено.

Разве что вводить новые ингредиенты надо было по одному, постепенно. Я решила начать с салата — помыла тщательно, попробовала сама. Салат как салат.

Я вернулась к капибарам с подношениями и разложила их по мискам.

Борис первым подошел, обнюхал, попробовал лист салата с видом дегустатора и продолжил есть, что означало одобрение. Маня последовала за ним, но жевала втрое аккуратнее, как и положено даме. Иван рванул к своей порции, по дороге наступил Мане на лапу, получил злобное фырканье и врезался мордой прямо в салат, после чего принялся жевать, не разбирая, где листья, а где кабачок.

Теперь можно было заняться меню для открытия кафе.

На кухне я перебрала все шкафчики и пересчитала посуду: три кастрюли — две средние и одна большая, два глиняных графина с крышками, сковорода, чайник, шесть разномастных кружек и стопка тарелок. Одна кастрюля нужна для готовки, значит, под напитки оставались две, и к ним оба графина.

Я спустилась в погреб за ингредиентами и вернулась с банкой вишневого компота, пучком мяты, медом и горстью сушеных ягод смородины.

Пусть будет морс или что-то вроде того. Я залила сушеные ягоды водой в кастрюле, добавила мед и размяла ложкой.

Я поставила морс на плиту томиться и вернулась к капибарам менять воду в бассейне. Таская ведра туда-обратно, я наблюдала за троицей. Борис лежал у стены, полузакрыв глаза, и мерно жевал салатик. Маня методично вылизывалась после завтрака. Иван каким-то образом надел на голову миску и теперь кружился на месте, видимо, пытаясь так улучшить себе обзор. Я хотела снять миску, потом подумала, что лучше пусть Иван будет чем-нибудь занят.

Я вытерла лоб и посмотрела на гостиную по-новому. Три крупных тропических грызуна в маленькой комнате без нормальной вентиляции, бассейн, который Иван рано или поздно прокусит, и обои с печкой, которые он грызет от скуки. Так или иначе, этих зверей нужно выгуливать на свежем воздухе, а для этого придется соорудить хоть какой-то вольер на террасе или за домом.

Мысль о том, что для этого нужно выглянуть за пределы террасы и оценить пространство, вызвала привычную волну тошноты, но капибарам необходим воздух, трава и место для движения.

— Разберемся с этим, но позже, — пообещала я троице и метнулась на кухню, потому что морс зашипел и начал убегать из кастрюли.

Морс удалось спасти, процедить и перелить в графин. Я поставила его на подоконник, наслаждаясь ароматом смородины. Во второй графин перелила бабушкин компот, не упустив возможности съесть половину вишни ложкой. Отличный завтрак!

Оставалось разобраться с едой.

Я вытащила мятый чек со вчерашними записями и спустилась в погреб за всем, что могло пригодиться.

Вскоре на кухонном столе стояли кабачковая икра, грибы, соленые огурцы и помидоры, масло, чеснок, салат, мед, варенья.

Еще была картошка, лук и набор специй.

А вот мяса или рыбы я не нашла ни в каком виде. И из чего мне делать горячее? Придется спрашивать об этом гепарда, когда увидимся.

Зато пока можно было сосредоточиться на закусках. Мне пришла в голову идея — подавать их в виде намазок на хлеб. Кабачковая икра, грибная, мелко нарезанный салат.

Что-то наподобие брускетт. Только нужно было раздобыть где-то хлеб. Его тоже нигде не было видно, как и молока. А если испечь лепешки?

Я стояла перед мешком муки и перебирала в голове все, что знала о лепешках. Пекарь из меня был еще тот, даже блины в моем исполнении можно было есть только с голодухи.

Но вот моя соседка по комнате, приехавшая из Душанбе, готовила нам роти — тонкие пресные лепешки, для которых не нужно ничего, кроме муки, воды и щепотки соли.

Рецепт был такой простой, а получалось так вкусно, что мне врезалось в память.

Я насыпала муку на столешницу, сделала углубление, плеснула теплой воды и начала замешивать, подсыпая понемногу, пока тесто не стало мягким и не перестало липнуть к пальцам. Главный секрет, который вбила в меня соседка, — не торопиться и дать тесту отдохнуть, накрыв полотенцем, минут пятнадцать-двадцать. За это время клейковина расслабляется и раскатывать становится легко, а иначе тесто будет рваться.

Пока тесто лежало под полотенцем, я разогрела сковороду на конфорке. Масла не добавляла — роти жарят на сухой поверхности, в этом весь смысл. Сковорода нужна была горячая, но не раскаленная, иначе лепешка может сгореть раньше, чем пропечется.

Я отщипнула кусок теста, скатала в шарик размером с мандарин, обваляла в муке и раскатала в тонкий круг. Соседка умела делать их идеально ровными, у меня всегда получались с рваными краями, но на вкус это не влияло.

Я положила ее на сковороду и стала ждать. Через полминуты снизу появились пузырьки, и я перевернула лепешку деревянной лопаткой. Вторая сторона подрумянилась быстрее, а потом случилось главное: лепешка начала вздуваться. Пар внутри разделял слои теста, и роти надулась, как маленький воздушный шар.

Я радостно рассмеялась. Никогда не знаешь, что тебе пригодится в жизни.

Я сняла лепешку и бросила на тарелку. По-хорошему смазать бы ее маслом, но нашлось только растительное, а оно не очень подходило.

Ничего, с намазкой точно будет вкусно. Я сделала еще несколько, одну не удержалась и умяла сама с кабачковой икрой. Второй завтрак?

Я скатала шарики и накрыла полотенцем, чтобы быстро пожарить в случае чего. Впрочем, вряд ли клиентов будет много — заброшенное кафе на вершине холма, куда ведет тропа по обрыву…

Мне не очень-то верилось в затею Вирена, но как зоологу было ужасно интересно еще пообщаться с волшебным существом, узнать поподробнее о фамильярах.

Потихоньку события вчерашнего дня оседали в голове, паника отступала, просыпалось любопытство.

Я подготовила плошки для намазок, оставалось их сделать.

Для грибной я мелко нарубила маринованные опята, смешала их с теплым маслом, продавила чеснок и посолила. Попробовала — солоновато, но с лепешкой в самый раз.

Для острой размяла вилкой соленые помидоры, добавила тонко нарезанный лук и желтую жгучую специю из бабушкиных запасов. Получилось ярко-красное и ароматное, от одного запаха просыпался аппетит.

Напитки были готовы, закуски тоже, оставалось придумать что-то из салатов.

Я как раз собиралась еще раз спуститься в погреб, когда за спиной раздался знакомый бархатный голос:

— Ты готова, надеюсь?

Вирен заглянул в приоткрытое кухонное окно. От неожиданности я вздрогнула.

— Доброе утро, Вирен! Я уже кое-что приготовила!

Я показала ему лепешки и намазки, и фамильяр удивленно склонил голову.

— Эм. А что это за гадость? Где нормальная еда?

— Это нормальная! — возмутилась я. — Даже вкусная!

В качестве демонстрации я отломила кусочек лепешки, намазала на него грибную икру с чесночком и съела.

— Это понятно, что люди едят черт-те что, — фыркнул Вирен. — А как насчет фамильяров? Я вообще-то их к тебе позвал!

— Фамильяров?! — удивилась я. — А ты не мог сразу сказать?

— Разве это не было очевидно? — мурлыкнул Вирен. — Кафе тут на каждом шагу, а вот таких, где тебя слышат…

Вирен махнул хвостом с видом существа, для которого вопрос питания решается в одно движение лапой.

— Да ладно, не будь такой серьезной! Сейчас что-нибудь придумаем, — Вирен сунул морду в окно и глянул на остатки продуктов на столе. — Листики салата для грызунов, лепешки поклевать для крылатых. А мясо есть?

— Подожди, — я подняла руку. — Ты предлагаешь пернатых лепешками кормить?

— Ну да, они же любят всякое… такое. Хлеб, булки, крошки. Я постоянно вижу, как хозяева подкармливают их на прогулках в парке. Отщипнут круассанчик, подбросят в воздух, а фамильяры ловят. Все довольны.

Я медленно положила ложку на стол и посмотрела на Вирена тем взглядом, которым в зоопарке награждала посетителей, просовывающих чипсы через ограждение.

— Вирен, хлеб для птиц — это не еда, а медленное отравление. Он разбухает в зобе, забивает пищеварительный тракт и не несет никакой питательной ценности.

Вирен фыркнул и дернул ухом.

— Однако с человеческим меню у тебя вопросов не возникло. А тут прямо трагедия вселенского масштаба из-за лепешек. Одной больше, одной меньше.

— Люди меня мало волнуют, — честно призналась я. — А вот животные полностью зависят от того, чем их кормит хозяин, и если хозяин кормит их хлебом, потому что «ну им же нравится», то виноват хозяин, а страдает зверь.

Вирен резко выпрямился, и в голубых глазах вспыхнула холодная искра.

— Фамильяры — не животные, — произнес он тоном, который я раньше у него не слышала. — Это очень неприлично — сравнивать! Мы магические существа, связанные с хозяевами на уровне души. Я же не зову тебя приматом.

— Откуда мне знать, что вежливо, а что нет, — сказала я. — Но послушай. Ты — гепард. Магический, уникальный, связанный с хозяином — не спорю. Но в основе твоей формы лежит тело гепарда с кошачьим пищеварением, кошачьими зубами и кошачьей физиологией. Зарион — жар-птица, но его тело построено на птичьей основе: зоб, клюв, метаболизм пернатого хищника. Магия, похоже, не отменяет биологию, она надстраивается над ней.

Вирен молчал, и по подрагиванию кисточки на хвосте я видела, что возразить ему нечего.

— Поэтому питание имеет значение, — продолжила я. — Огромное значение. Скажи мне, Вирен, разве фамильяры не болеют?

— Болеют, — признал гепард неохотно. — Еще как болеют. Клиника доктора Идд-Дюка золото мешками гребет. Очередь на прием — два квартала, и цены такие, что после одного визита хозяин бледнеет сильнее, чем фамильяр.

— Ну вот тебе и ответ, — я постучала карандашом по столу. — То, что существо может что-то есть, не значит, что его можно этим кормить.

Гепард снова замолчал, и в его глазах впервые мелькнуло что-то похожее на настоящую задумчивость. Потом он потянулся, широко зевнул и произнес:

— Ладно, убедила. Тогда пошли за нормальными продуктами.

— У меня денег нет! Одна монетка от вчерашнего старичка, и на ту, как выяснилось, я случайно приватизировала кафе с долгом за аренду земли.

Я посмотрела в окно. Черепичные крыши спускались по склону холма вниз, далеко вниз, а между ними вилась тропинка, узкая и без ограждений.

Желудок сжался, ладони стали мокрыми, и горло перехватило знакомой тошнотой.

— Если я отсюда выйду, то только домой, — сказала я, отворачиваясь от окна. — Я боюсь высоты до обморока.

Вирен хмыкнул и посмотрел на меня оценивающим взглядом:

— Значит, ты заперта здесь, — протянул он. — Как принцесса. Только башня у тебя с кухней и стойкой. Экстравагантно, но сойдет.

— Для чего сойдет? — насторожилась я.

Вирен дернул ухом и принял выражение полнейшей невинности.

— Ни для чего. Забудь. Пиши список продуктов, я добуду по-быстрому.

Мне было очень интересно, почему Вирен вообще мне помогает, но я решила придержать этот вопрос. Пусть сначала добудет то, что нужно мне.

— Так, нам еще утварь нужна, — и мне пришлось оторвать еще один лист календаря.

Четырнадцатое марта, шутка про тещу. Вирен уже пробрался через окно на кухню и осторожно осматривался, принюхиваясь.

— Мда, все провоняло магией, — хмыкнул он.

Я отмахнулась, сейчас было не до того, чтобы обсуждать еще и это.

— Вирен, соберись! У меня шесть кружек, и ни одна не совпадает с другой. Тебе из кружки вообще удобно пить?

Гепард помотал головой.

— Я люблю проточную воду.

— Именно! Нам нужно как минимум организовать какой-то питьевой фонтанчик или вроде того.

Гепард накрыл морду лапой и простонал.

— Почему все так сложно!

— Ты хотел кафе для фамильяров, — строго сказала я. — Значит, будет все как надо. Нужны тарелки, штук двадцать, не меньше, миски, подносы. Все это тяжелое, чтобы не елозило по столам. Кстати, столы тоже не лучшее…

— Хватит! — взвыл гепард. — Умоляю тебя, хватит!

— А что ты хотел? — усмехнулась я. — Понадобятся жердочки для пернатых, мягкие подушки, подставки.

— Это уже слишком. Когда дело пойдет, тогда хоть жердочки, хоть песочек с подогревом, а до этого момента обойдемся продуктами и плошками.

С этими словами Вирен взял в зубы оба списка, пробормотал что-то неразборчивое и выпрыгнул в окно.

Кисточка мелькнула, и гепард исчез.

Я осталась одна. В доме было тихо, только из гостиной доносилось мерное чавканье капибар и плеск воды — Иван, похоже, опять залез в бассейн.

Я подошла к окну, отодвинула тюль и выглянула. Солнце уже поднялось, город внизу окончательно проснулся: по улочкам двигались маленькие фигурки людей, из труб шел дым. Я в ужасе отпрянула от окна, сделала несколько глубоких вдохов и подумала, что мне для уборки пригодились бы шоры, как у лошади, чтобы ничего, кроме пола под ногами, не видеть.

Я обреченно поплелась на террасу.

Бабушкино заведение смотрелось ровно так, как и должно смотреться место, заброшенное на двадцать лет. Пыль лежала на стойке толстым серым слоем, между досками настила набились сухие листья и мусор, табуреты были разбросаны по углам, часть поломана. На полках за стойкой стояли пустые бутылки, покрытые паутиной, а под навесом кто-то из местных птиц свил гнездо, к счастью, пустое.

Я начала с глухой стены, потому что она была ближе всего к дому и дальше всего от перил. Я протерла полки тряпкой, которую взяла на бабушкиной кухне, сняла паутину и расставила бутылки ровнее. Потом я подмела пол, сгребая мусор в кучу обломком доски, потому что веника не нашлось.

Табуреты осмотрела по одному — пять целых, два шатались, один без ножки. Целые расставила вдоль стойки, шаткие отодвинула в угол, безногий отправила в дрова.

Стойку скребла долго, упорно, пока не проступило темное дерево с красивой текстурой. Бабушка, видимо, знала толк в мебели: сделано было на совесть, ни одной трещины.

Работала я спиной к перилам и старалась не оборачиваться.

К тому моменту, когда я домыла последнюю полку и развесила на перилах мокрые тряпки для просушки, терраса выглядела уже вполне прилично.

Я как раз расставляла на стойке плошки с намазками, чтобы перекусить, когда услышала знакомый голос.

— Опять эти подъемы, — раздался хриплый голос, и через секунду на террасу выполз ящер с черно-жемчужной чешуей. — Я умру. Сдохну. И бок колет.

За ним появился Виктор Маркок, начальник магического сыска, в том же темно-зеленом камзоле с гербом и с блокнотом в руке.

— Доброе утро, Дарья Сергеевна, — произнес он, окидывая террасу цепким взглядом. — Вижу, вы обустраиваетесь.

— Доброе утро, — я вытерла руки о джинсы и кивнула ему на табурет. — Чай?

Виктор покачал головой:

— Я при исполнении.

Выглядел он так, словно не спал ночь. Возможно, так и было.

— А… почему вы здесь? Я думала, что мы закончили вчера.

— Боюсь, что нет. Мне удалось найти в архивах проект дома, и пик, на котором он построен. К сожалению, вынужден снова вас потревожить и разобрать пол в гостиной.

— А капибара? Куда я их дену, по-вашему? — возмутилась я.

— А нельзя их попросить побыть в другой комнате?

— Они не фамильяры, человеческую речь, похоже, не понимают. Нельзя их попросить, а у меня открытие кафе.

— Дарья Сергеевна, а у меня расследование!

И тут мне в голову пришла идея, близкая к гениальной.

— А что, если я предложу вам кое-что поценнее, чем зацепка в каком-то старом деле? — сказала я, стараясь придать себе максимально уверенный вид.

Виктор поднял бровь и посмотрел на меня скептически:

— Сомневаюсь, что вы чем-то можете мне помочь. Скорее вам бы самой пригодилась помощь.

Я хмыкнула, пожала плечами, провела по барной стойке тряпочкой и обронила:

— Ну, если вам не пригодится в расследованиях человек, который слышит фамильяров…

Виктор бросил взгляд на своего ящера и покачал головой.

— Никто не может слышать фамильяров. Для того чтобы расшифровать их ментальные потоки, нужен как минимум огромный сложнейший артефакт. Вы даже не представляете, какая это проблема.

— Артефакт размером с дом, да?

Я облокотилась на стойку и уверенно заявила:

— Вчера я слышала гепарда лорда Морлэйта и жар-птицу одного мага. Мы с ними мило беседовали. Кстати, ваш ящер ненавидит подъемы в гору и говорит, что у него колики в боку.

Виктор поморщился, похоже, он был не из тех людей, кто верит на слово.

— Это все очень мило, Дарья Сергеевна, но мне нужно быстро осмотреть гостиную еще раз. Попрошу вас как-то убрать на время капибар, чтобы я мог…

Тем временем ящер лег на бок и простонал:

— Зачем она сказала ему про колики? Опять потащит к Идд-Дюку в клинику, где мне будут лезть под хвост.

Я усмехнулась:

— Кстати, ваш ящер только что пожаловался на клинику Идд-Дюка, говорит, что ему не нравится, что там лазают под хвост.

Виктор поправил камзол:

— Думает, я на это куплюсь? Очевидно, что никому не нравится. Дарья Сергеевна, я двенадцать лет в сыске. Знаете, сколько мошенников утверждали, что слышат фамильяров?

— Я не мошенница, — возмутилась я. — Можете проверить. Спросите у меня то, чего я точно не могу знать.

— И не подумаю, — Виктор выпрямился, и в его глазах появилась решимость. — Не мешайте моей работе, Дарья Сергеевна.

— Двенадцать лет таскаюсь за этим одержимым, по подвалам, по чердакам, по канализациям, один раз меня уронили с крыши почтамта, и все ради «расследования»! А ведь мы аристократы! Я хочу лежать на бархатных подушках на королевских балах, как Парфенона! — простонал ящер. — Нужно было лучше воспитывать хозяина. Кто подарил ему детский набор детектива? Тетушка Пэг? Я написаю ей в туфлю…

Я загородила входную дверь и сложила руки на груди.

— Откуда я знаю, что тетушка Пэг подарила вам детский набор детектива и теперь ваш ящер вместо балов таскается по канализациям и чердакам? А Парфенона — это кто? Он ей завидует.

Виктор слегка прищурился, в глазах появился проблеск интереса.

— Вы умеете читать мысли? Залезать в память? Странно, я не чувствую в вас магии. Как вам это удается?

— Просто ваш фамильяр много ноет, — усмехнулась я.

— Вы правда меня слышите? — встрепенулся ящер.

Под удивленным взглядом хозяина он поднялся на лапы, подошел ко мне, махнул хвостом и спросил:

— А можете тогда передать Виктору, чтобы прекратил совать мне в нос мерзкие улики и требовать, чтобы я взял след? Мне еще на деле о стухшей русалке нюх отбило, и я больше ничего не чую.

Тут уже опешила я.

— Что за стухшая русалка?

— Ты не хочешь этого знать, — мрачно произнес ящер.

Кажется, до Виктора начало доходить, что я говорю правду. Хоть он не слышал ответов ящера, но при упоминании дела машинально прикрыл нос рукой и поморщился.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Спросите, кто сбросил его с крыши почтамта.

Я внимательно выслушала ответ и перевела:

— Он сам поскользнулся на мокрой черепице, но винит во всем вас, потому что рожден быть аристократом, а не бегать за преступниками днем и ночью. Просит больше не совать ему на обнюхивание никаких улик и вообще создать ему нормальные фамильярные условия и два выходных в неделю, иначе он грозится начать пожирать вещдоки и набрасываться на свидетелей.

Виктор замер и несколько секунд стоял неподвижно, глядя на своего ящера, потом на меня, потом снова на ящера, и по его лицу было видно, как за изумрудными глазами со скоростью грозы перестраивается вся картина мира.

— Вы правда его слышите, — произнес он уже не вопросом, а утверждением.

— Каждое слово, включая планы мести тетушке Пэг.

Ящер на полу заворочался и тревожно поднял голову.

— Эй, а зачем ты ему все пересказываешь? Я думал, мы по-дружески, между своими. Конфиденциально!

Но было поздно. В глазах Виктора уже загорелся тот самый огонь, от которого его фамильяр, судя по выражению морды, страдал последние двенадцать лет.

Начальник магического сыска принялся расхаживать по террасе — три шага туда, три обратно, руки за спиной, подбородок вверх, блокнот забыт на стойке.

— Вы понимаете, что это значит? — голос звенел от возбуждения. — Допросы! Допросы фамильяров-свидетелей! Каждый фамильяр видит и слышит все, что происходит рядом с хозяином. Ограбления, тайные сделки, переговоры за закрытыми дверями, ночные встречи. Они

при всем этом присутствуют, и никто, слышите, никто даже не задумывается, что фамильяр на подоконнике может быть свидетелем!

Он развернулся на каблуках, и камзол взметнулся полой.

— Показания фамильяров-жертв! Похищенные фамильяры, брошенные фамильяры, заколдованные фамильяры — все они могли бы рассказать, кто, когда и зачем! Дело о пропавшей балерине мы бы раскрыли за день! За один день!

— О, нет, — простонал ящер и уронил голову на лапы. — Началось. Надо было молчать. Надо было просто молчать и терпеть колики. Прощайте, отдых и бархатные подушки.

Виктор его, разумеется, не слышал и продолжал метаться по террасе, как хищник в тесной клетке.

— Опрос фамильяров подозреваемых! Боже мой! Вы представляете, что фамильяр преступника знает о нем абсолютно все?! Где прячет награбленное, с кем встречается, кого боится. Это же новый виток в сыскном деле! Это переворот!

Я невольно улыбнулась. Было забавно и даже трогательно видеть настолько увлеченного своим делом человека. В моем мире такие встречались редко, разве что среди зоологов, которые могли часами рассказывать о брачных танцах жуков-навозников.

Виктор резко остановился передо мной, схватил мою руку обеими ладонями и затряс, пожимая с таким жаром, что у меня клацнули зубы.

— Дарья Сергеевна! Мы изменим мир!

Он перехватил ее и поцеловал запястье привычным для аристократа жестом.

— Просто скажите, что вам нужно, — произнес он, глядя мне в глаза с пугающей серьезностью. — Я сделаю все!

В голове у меня уже был длинный список:

— Мне нужен загон для капибар с бассейном и навесом, — выпалила я, пользуясь моментом. — И юрист, которого вы мне обещали. Остальное потом…

— Считайте, что все уже в работе! — Виктор сжал мою руку крепче, затем снова поднес ее к губам.

Ящер закрыл глаза и страдальчески прошептал:

— Прощай, бархатная подушка. Прощай, выходной. Здравствуй, бесконечный допрос фамильяра булочника, который видел, как кто-то стащил корзину с маком…

— Простите, что помешал, — раздался голос с края террасы.

Мы оба вздрогнули и обернулись.

В проеме между резными столбами стоял лорд-дракон Микаэль Морлэйт.

Взгляд дракона медленно переместился с лица Виктора на мою руку, которую тот все еще сжимал в обеих ладонях. Я выдернула ее так резко, будто обожглась.

— А вы быстро заводите знакомства, — произнес Микаэль тем ровным тоном, от которого хотелось провалиться сквозь террасу прямо в бабушкин погреб.

— Это не то, что вы подумали! — ляпнула я и тут же об этом пожалела, потому что фраза прозвучала так, будто меня застукали.

— Я ничего не думал, — ответил Микаэль.

Виктор же отстранился, выпрямился, одернул камзол и коротко кивнул дракону.

— Лорд Морлэйт, доброе утро. Я здесь по делу магического сыска. Дарья Сергеевна находится под защитой ведомства, прошу вас это учитывать.

— Уже и под защитой, — хмыкнул Микаэль. — Типично для попаданок с Земли.

— Эй! Это вы что такое обо мне думаете?! — возмутилась я, но Виктор не дал мне договорить.

— Лорд Морлэйт, вы меня поняли?

Дракон усмехнулся. Похоже, он не считал Виктора какой-то реальной преградой, так, скорее мелкая помеха на пути. Тем не менее он вежливо кивнул и ответил:

— Предельно ясно, граф Маркок.

Виктор повернулся ко мне.

— Дарья Сергеевна, я вернусь с документами и строителем. Наш договор в силе.

Он подхватил ящера на руки и удалился.

Мы с Микаэлем остались на террасе в звенящей от напряжения тишине.

— Я пришел по делу, — сказал дракон наконец. — Вы изучили уведомление об аренде?

— Нет. Я была немного занята. Открыла заведение и намереваюсь выплатить вам долг.

Микаэль скептическим взглядом обвел террасу: протертая стойка, пять табуретов, лампочки, покачивающиеся на ветру. На фоне общей разрухи дракон выглядел даже торжественно в своем безупречном расшитом камзоле, с убранными в хвост волосами и шейным платком.

Я посмотрела на свои потертые джинсы и обнаружила какое-то досадное жирное пятно на самом видном месте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.